

УДК 81-13

ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. ИСТИНА И ОПЫТ

К.И. Бринев

Алтайский государственный педагогический университет

Статья посвящена критике базовых положений современной когнитивной лингвистики: теории субъективной (экспериментальной) истины, которая реализуется, по мнению этой школы, в естественных языках и теории опыта как источника языковой семантики и языковых структур. Критическое обсуждение ведется с позиций корреспондентной теории истины А. Тарского, а также взаимосвязанных друг с другом концепций эволюционной эпистемологии и гипотетического реализма.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, опыт, истина, когнитивные универсалии.

Experiential Realism in Cognitive Linguistics. Truth and Experience

Konstantin I. Brinev

Altai State Pedagogical University

The article is devoted to critical analysis of the basic assumptions of modern cognitive linguistics: the theory of subjective (experiential) truth that is realized, according to the school itself, in natural languages, and the theory of experience as a source of language semantics and linguistic structures. Critical arguing is based on A. Tarski's correspondence theory of truth, as well as on the standpoints of interrelated conceptions of evolutionary epistemology and hypothetical realism.

Key words: cognitive linguistics, experience, truth, cognitive universals.

Едва ли будет преувеличением сказать, что когнитивная лингвистика в настоящее время занимает центральное положение в лингвистических исследованиях. Более того, когнитивные лингвисты претендуют на новое понимание языка, философии языка и даже в каком-то отношении на новую онтологию в том смысле, что ревизии подвергаются такие понятия, как «объективная истина», «внешний мир», «отношения субъект – мир – язык».

Приведем лишь один фрагмент, наглядно иллюстрирующий наш тезис: «Мы не думаем, что существует такая сущность, как объективная (абсолютная и безусловная) истина, хотя в западной культуре издавна принято считать, что она существует. Мы действительно думаем, что истины существуют, но считаем, что нет нужды связывать идею истины с объективистской точкой зрения. Мы думаем, что идея о существовании абсолютной объективной истины не только ошибочна, но и опасна в социальном и политическом плане» [8. С. 187].

Цель данной статьи – критическое обсуждение некоторых положений современной когнитивной лингвистики, которые, на наш

взгляд, некритически были восприняты в России и в настоящее время продолжают очень плодотворно развиваться.

Отметим, что мы не первые, кто критически отнесся к некоторым положениям когнитивизма, стоит напомнить статью А. Вежбицкой [3], и в этом плане мы всего лишь продолжаем критическую линию, которая может стать весьма плодотворной как для лингвистики, так и для самой когнитивной лингвистики.

В статье развиваются применительно к языку идеи так называемой эволюционной эпистемологии [6; 9; 11], и именно с этих позиций осуществляется критика когнитивных постулатов.

Основные тезисы данной статьи можно сформулировать следующим образом: несмотря на теоретические тезисы этого направления, которые, бесспорно, претендуют на новизну и оригинальность, сама когнитивная лингвистика в теории истины остается на уровне конвенционализма (может быть, субъективизма), а в теории опыта остается на уровне дюмовского или юмовского понимания роли опыта в жизни человека и освоении им языка, говоря словами К.Р. Поппера, разделяет теорию здравого смысла опыта, которая являлась частью так называемой «бадеиной теории познания» [10. С. 66].

Второй тезис непосредственно связан с теорией категоризации. Несмотря на критику платоно-аристотелевской категоризации, когнитивная лингвистика остается именно платоно-аристотелевской и, более того, эссенциалистской категоризацией мира. В этой статье мы не будем подробно рассматривать вопросы категоризации и то, как они решаются современной когнитивной лингвистикой, отметим лишь следующее: по нашему мнению, не существует такой вещи, как категоризация в том смысле, в котором она описана в когнитивных исследованиях.

Два названных тезиса глубоко пересекаются, поэтому может показаться, что в статье решается и вторая проблема; сразу оговоримся, что вторая проблема имеет самостоятельную ценность и, может быть, даже более сложна для решения, так что для этого понадобится отдельное исследование, которое мы планируем осуществить в ближайшее время, хотя приближенное решение, правда, в гносеологическом аспекте, было представлено нами в ряде наших статей и монографии, которые были посвящены судебной лингвистической экспертизе.

Вернемся к непосредственно поставленной в начале статьи проблеме.

В теории когнитивной лингвистики развиваются два тезиса:

1. Отрицается тезис объективизма или тезис объективной (абсолютной) истины.

2. Утверждается тезис, согласно которому познание и понимание зависит от наших тел, а конкретно от опытного взаимодействия человека с миром.

Взамен теории объективизма когнитивная лингвистика в лице Дж. Лакоффа вводит новый вид теории – «экспериенциальный реализм», который, по мнению автора концепции, должен примирить субъективизм и объективизм и разрушить мифы субъективизма и объективизма.

Истина. Сразу нужно отметить, что объективизм понимается Дж. Лакоффом в каком-то особом отношении. Его (объективизма) несостоятельность доказывается, в частности, им в так называемой теории категоризации, которая, на наш взгляд, как раз не имеет никакого отношения к объективизму как к таковому. В нашем понимании из неопределенности употребления слов естественного языка (а эта неопределённость, бесспорно, имеет место: «Что называют матерью, горой, холмом?») выводятся далеко идущие гносеологические следствия, которые не имеют никакого отношения к объективной истине.

Как известно, теорию объективной (абсолютной) корреспондентной истины реабилитировал А. Тарский. А. Тарскому удалось показать, что предикат «быть истинным» принадлежит другому типу высказываний, это высказывания метаязыка. В незамкнутых языках (языках, в которых смешиваются метаязыковые высказывания и высказывания предметного языка, к ним относятся и естественный язык) неизбежно возникает «парадокс лжеца». Этот парадокс был, насколько нам известно, разрешен А. Тарским, им же было дано четкое математическое определение предиката «истинный», таким образом, корреспондентная теория истины была реабилитирована и избавлена от противоречий [11].

Отметим еще один важный для нас момент: А. Тарский также подверг критике концепцию замкнутых и связанных языков К. Айдукевича (основные работы, в которых представлена данная концепция: [1; 2], см. об этом в: [4]) – как известно, последовательного (радикального) конвенционалиста. Из его концепции следовало, что истина релятивна по отношению к используемому понятийному аппарату; другими словами, истина релятивна от языка, на котором мы говорим или, например, строим свои теории.

С другой стороны, «следует заметить, что само понятие истинности у Айдукевича относительно и понятие "истинный" в языке J_x отличается от понятия "истинный" в языке J_y . Релятивизация Айдукевича отличается от релятивизации этого понятия в случае семантической дефиниции истинности у Тарского. Различия в трактовке понятия истины у Тарского и Айдукевича обусловлены также и тем, что Айдукевич не различал язык-объект и метаязык, полагая директивы значения охватывающими также и термин "истинный", применимый к предложениям языка J . Именно в силу этого обстоятельства Айдукевич считал, что изменение понятийного

аппарата влечет также и изменение значения термина "истинный". Нетрудно заметить, что при различении языка и метаязыка можно легко выдвинуть возражения против концепции истинности различных "образов мира": даже если *X* и *Y* используют различные понятийные аппараты, то в метаязыке, к которому принадлежит термин "истинный", они могут им пользоваться идентично, т. е. придавая ему одно и то же значение» [4].

Поэтому, вероятно, могут быть пересмотрены такие высказывания Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Кроме того, истина всегда зависит от понятийной системы и метафор, которые ее структурируют. Тем самым истина не абсолютна или объективна, она основана на понимании» [8. С. 219].

Но самое основное для нас в этом экскурсе то, что истина относится к высказыванию, а не к категории, что бы под ней ни понималось, а потому выводы Дж. Лакоффа относительно истины и объективизма на примере его категоризации вряд ли корректны. Развитию этого тезиса мы планируем посвятить отдельное исследование.

Опыт. Опыт в когнитивных исследованиях занимает, на наш взгляд, центральное место (напомним, что сама новая гносеологическая концепция называется экспериенциальным реализмом). Однако в когнитивных исследованиях существует некоторое преувеличение роли опыта прежде всего в освоении языка, мира и передачи языка как социального продукта другим поколениям.

Концепция опыта в современной когнитивной лингвистике – это юмовская концепция повторения; нам предлагается гипотеза, что сходные повторяющиеся вещи естественным образом образуют, пусть и нечеткие (как на этом настаивал Аристотель), классы вещей или понятий.

Приведем несколько цитат из популярных ныне изданий:

«Доконцептуальный опыт “Кинестетические образно-схематические структуры”. Образные схемы, например, **ВМЕСТИЛИЩЕ, ПУТЬ, СВЯЗЬ, СИЛА, РАВНОВЕСИЕ**, являются относительно простыми структурами, которые **постоянно повторяются** (выделено мной – *К.Б.*) в нашем повседневном телесном опыте...» [7. С. 348];

«...пространственный концепт **ВЕРХ** формируется **на основе опыта взаимодействия человека с пространством** (выделено мной – *К.Б.*). У нас есть тела и мы стоим прямо...» [8. С. 93].

Отметим, однако, что пространственная модель «верх» как противопоставление силе тяжести присутствует и у зерна любого растения, в противном случае мы никогда не объясним, что всякое растение растет вверх, а не вбок или вниз. Нет нужды говорить, что такая модель существует до всякого опыта роста, она просто запрограммирована генетически. Такая модель на генетическом уровне присутствует и у человека; насколько нам известно, она называется «вестибулярным аппаратом».

Еще раз отметим, что в когнитивизме повторяется юмовская модель индукции и опыта, которая неизбежно ведет к противоречиям. Приведем критику юмовского повторения, которую сформулировал К.Р. Поппер:

«Основной идеей теории Юма является идея повторения, опирающегося на сходство. Эта идея используется Юмом весьма некритически. Нам предлагают думать о капле, которая точит камень: последовательность событий, подобие которых не подвергается сомнению, постепенно оказывает на нас свое воздействие, как это делает, например, стук часов. Однако следует иметь в виду, что в психологической теории, подобной теории Юма, только повторение-для-нас, опирающееся на сходство-для-нас, может оказать на нас какое-либо влияние. Мы должны реагировать на ситуации так, как если бы они были эквивалентными: считать их сходными, интерпретировать их как повторяющиеся <...> Эта, казалось бы, психологическая критика имеет чисто логическую основу, которую кратко можно выразить следующим простым аргументом. (В своей критике я первоначально исходил именно из этого аргумента.) Тот вид повторения, который рассматривает Юм, никогда не может быть совершенным. Подразумеваемые им случаи не могут быть случаями совершенного тождества, они являются лишь случаями сходства. Поэтому они являются повторениями только с определенной точки зрения. (То, что воздействует на меня как повторение, для паука может оказаться вовсе не повторением.) Из чисто логических соображений отсюда вытекает, что до всякого повторения должна существовать некоторая точка зрения – некоторая система ожиданий, предвосхищений, допущений или интересов, которая сама не может быть лишь результатом повторения» [11. С. 80-81].

Более категорично о соотношении опыта и врожденных предрасположений, которые позволяют интерпретировать этот мир, высказался К. Лоренц, представитель гипотетического реализма, который считает, что существуют «защищенные от всех изменений устройства, которые на основе текущих сообщений органов чувств открывают нам окружающий мир в актах непосредственного “понимания”, составляют основание всякого опыта! Их функция предшествует всякому опыту и должна ему предшествовать, **чтобы опыт вообще был возможен** (выделено мной – *К.Б.*). В этом отношении они вполне соответствуют определению “априорного”, которое дал Иммануил Кант» [9]. На этом фоне не совсем понятны такие утверждения когнитивистов: «В процессе языковой категоризации предметов как трехмерных областей пространства, обладающих объемом, абстрагирование одного или нескольких измерений отражает особенности человеческого восприятия – в частности, зрительной перцепции. Собственно зрительный образ, отражаемый глазной сетчаткой, двухмерен, подобно зеркальному отображению он складывается из точек, образующих линии и плоскости.

Трехмерность пространства как свойство его организации оформляется в когнитивный концепт в результате совокупного опыта, приобретаемого человеком в ходе его взаимодействия с окружающим миром» (выделено мной – К.Б.) [5. С. 38].

Стереоскопическое зрение и бинокулярное зрение, бесспорно, являются врожденными, а не приобретаются в результате многократного опыта взаимодействия человека с предметами или вещами. Интересен в этом отношении пример К. Лоренца: «Как уже было сказано, первичная функция бинокулярного восприятия **глубины** – прицеливание в добычу, тогда как параллактическое восприятие глубины служит для грубой ориентации в пространстве и избежания препятствий. Рыбы открытого моря, обладающие как хищники превосходным бинокулярным зрением, не в состоянии применять его для избегания препятствий. На Адриатическом побережье мне довелось однажды видеть, как сотни мальков одного вида морских щук (*Belonidae*) плыли прямо на берег и там гибли. Они двигались не сомкнутой стаей, а поодиночке, на расстоянии около метра друг от друга и в точности параллельно, очевидно управляемые какой-то ориентировкой на свет, соленость воды или на что-то еще. За несколько метров от берега все они были еще вполне здоровы, в зоне прибоя они боролись за свою жизнь, а на берегу нагромождался вал из трупов» [9]. Вряд ли то, что является врожденным для щук, причем не так совершенно, как для высших животных, не присуще человеку.

Из этого следует простой вывод: до овладения языком и речью у каждого человека присутствуют врожденные ожидания и предрасположения, связанные с языком и миром.

В этом аспекте нам ближе концепция Н. Хомского, который на протяжении всей своей исследовательской программы утверждал, что относительно языковых структур начальное состояние любого человеческого организма – это не *tabula rasa*. «В терминах принятой когнитивной перспективы универсальная грамматика выражает биологически необходимые универсалии, носящие универсальный характер в силу того, что они определяются нашей врожденной языковой способностью, компонентом биологического вида» [12]. Отметим, что и концепция Н. Хомского в каком-то отношении порождена преодолением парадоксов юмовской теории опыта. «Одни из таких в высокой степени базовым фактором языка является то, что носители языка постоянно сталкиваются с выражениями, которых они никогда не встречали в прежнем своем опыте, и тем не менее оказываются в состоянии производить и понимать эти новые выражения без усилий» [12. С. 24].

Таким образом, согласно нашей концепции, некоторые языковые структуры или предрасположения человека как вида, ожидающего понять и усвоить автоматически эти структуры, полагаются врожденными.

Перечислим некоторые врожденные предрасположенности, которые связаны с семантикой и структурой языка:

Уровень перцепции¹:

1. Уровень основной операциональной единицы: происходит событие (аналог – высказывание).
2. Противопоставление событий статики и событий динамики (движущийся / недвижущийся).
3. Ситуации с координатами *верх* и *низ*.
4. Теория сходства для-нас объектов. В данном случае мы не различаем теорию одного и того же объекта в разных условиях (белый цвет бумаги при разном типе освещения) и два разных похожих объекта (два различных дерева). Хотя, строго говоря, это две различные теории.
5. Ситуации с координатами *далеко*, *близко*, *объемный*, *плоский*.

Логико-семантические характеристики:

1. Оппозиция конкретных и общих понятий, которые образуют сингулярные и общие высказывания. Противопоставления дейксиса (прежде всего пространственного) и общности.
2. Из предыдущего вытекает: предрасположенность к выводным предложениям.
3. Вероятно, что операция отрицания тоже имеет доопытный характер. Однако здесь необходимы конкретные исследования. Если это верно, то человек до опыта обладает предрасположенностью к двужанной логике, и его язык в каждый конкретный момент времени содержит столько же истинных утверждений, сколько и ложных.

¹ Отметим, что это гипотетическое построение, которое основано на биологической логике. Ее можно описать примерно следующим образом: «Наследуемые свойства конкретных органов (например, глаза) менее развитых видов присущи и, может быть, более развиты у более развитых видов». Приведем в этом аспекте лишь один пример: «Но те же физиологические механизмы, которые доставляют нам эту возможность, поразительным образом способны также выделять, абстрагировать постоянные свойства, отличающие не только одну вещь, но и определенный род вещей. Они способны отвлекаться от свойств, не обладающих родовым постоянством, а присущих лишь отдельным индивидам. Иными словами, они обращаются с этими индивидуальными признаками, как со случайным фоном, на котором можно выделить постоянное качество гештальта, свойственное всем индивидуальным представителям данного рода. Это качество непосредственно воспринимается затем как качество рода. Эта высочайшая функция механизмов постоянства первоначально совершенно независима от рациональной абстракции, она свойственна высшим млекопитающим и птицам точно так же, как маленьким детям». И далее: «Можно с уверенностью допустить, что у стегоцефалов каменноугольного периода сетчатка выполняла в принципе такие же абстрагирующие функции, как у наших лягушек. В функциональном отношении абстрагирующие и объективирующие функции восприятия – предшественники соответствующих функций нашего понятийного мышления» [9].

Этот перечень пока открыт, и мы не претендуем на его полноту, главное показать, что такие семантические теории (теории как инструменты человеческого вида) возникают до всякого опыта, они и есть предпосылка опыта, в том числе и опыта владения языком.

В заключение отметим, что в статье описан один из возможных аспектов критики когнитивизма с позиции эволюционной эпистемологии или гипотетического реализма, предполагающих объективную корреспондентную теорию истины и описанного понимания опыта. Язык с этой позиции многолик, он врожден, но ему и обучаются, он субъективен и интерпретативен, но, что может быть самое главное, он объективен и самостоятелен. Такое понимание языка более, на наш взгляд, соответствует концепции Л.В. Щербы, которую он развивал в своей знаменитой статье «О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в лингвистике» [13].

Библиографический список

1. *Айдукевич К.* Картина мира и понятийный аппарат // Электронный ресурс Интернет: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000245/> (дата обращения 31.12.2016).
2. *Айдукевич К.* Язык и смысл // Электронный ресурс Интернет: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_07/1999_7_07.htm (дата обращения 31.12.2016).
3. *Вежбицкая А.* Прототипы и инварианты // Электронный ресурс Интернет: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96a.htm> (дата обращения 31.12.2016).
4. *Домбровский Б.Т.* Львовско-варшавская философская школа (1895-1939). // Электронный ресурс Интернет: <http://www.philosophy2.ru/library/dombrovski/02.html> (дата обращения 31.12.2016).
5. *Кравченко А.В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2004. 206 с.
6. *Кэмпбел Д.Т.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Эдиториал УРСС, 2006. С. 92-147.
7. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о категориях мышления. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 512 с.
8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.

9. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала // Электронный ресурс Интернет: http://www.e-reading.club/chapter.php/114035/58/Lorenc_-_Oborotnaya_storona_zerkala.html (дата обращения 31.12.2016).
10. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
11. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.
12. *Хомский Н.* О природе и языке. М.: УРСС, 2016. 286 с.
13. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в лингвистике // Электронный ресурс Интернет: <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm> (дата обращения 31.12.2016).